

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

В связи с господствующей в СССР атеистической идеологией произведения русской литературы интерпретировались советскими литературоведами весьма искаженно. Школа также не оставалась в стороне от идеологической борьбы, в связи с чем составителями школьных программ производился тщательный отбор произведений тех писателей, чье творчество удовлетворяло требованиям коммунистической идеологии. Основную ценность творчества русских классиков находили в критическом пафосе их произведений. О православных традициях русской литературы тщательно замалчивалось, религиозные искания писателей объявлялись ошибочными.

Ситуация изменилась к лучшему в начале 90-х годов XX века, что было связано с распадом Советского Союза и отступлением от идеологической борьбы.

Литературу перестали относить к разряду идеологических предметов. В ее цели больше не входило «воспитание убежденного строителя коммунистического общества» [22. С. 5]. Теперь основная цель литературного образования была «в становлении духовного мира человека, в создании условий для формирования внутренней личности в непрерывном совершенствовании, в реализации своих творческих возможностей» [23. С.3].

Программа по литературе под редакцией Т.Ф. Курдюмовой на 1991/1992 учебный год ввела новый состав авторов, произведений и изменила характер аннотаций к темам. Это должно было помочь учителю «сделать живым и действительным фактором эстетические и нравственные ценности, заложенные в произведении» [23. С. 3]. Также в данной программе был предложен принцип вариативности, который дал учителю право выбора и произведений, и методов изучения конкретной темы.

Литература перестала даваться в связи с освободительной борьбой против угнетателей. Курс 9-11 классов, названный историко-литературным, больше не опирался на ленинскую периодизацию. Вместо трех этапов освободительного движения в этих классах теперь изучалась литература первой половины XIX века, литература второй половины XIX века, литература XX века.

В начале 1990-х годов постсоветское литературоведение проявило большой интерес к проблеме связи всей русской литературы с христианством, ее православным традициям. Это определенным образом отразилось на школьном образовании и способствовало значительной переработке школьных программ.

Так, программа по литературе под редакцией Т.Ф. Курдюмовой на 1991/1992 учебный год в 5 классе ввела для чтения и обсуждения «Библию для детей».

Значительно расширился объем произведений древнерусской литературы. В 6 классе в данной программе для изучения была предложена «Повесть временных лет». В 7 классе предлагалось «Поучение Владимира Мономаха» (отрывок), «Повесть о Петре и Февронии Муромских», где подчеркивались нравственные заветы Древней Руси.

В 8 классе в разделе «Русская старина» для чтения и изучения были предложены фрагменты очерка Б.Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» и «Житие Аввакума, им самим написанное». Акцентировалось внимание на особенностях житийного жанра в древнерусской литературе.

Литература XVIII века стала даваться и в пропедевтическом курсе. Поэзия Ломоносова и Державина изучалась фрагментами в 8 классе и более подробно в историко-литературном курсе в 9 классе.

Расширилось количество изучаемых произведений Н.В. Гоголя. В 5 классе давался рассказ из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» «Майская ночь, или Утопленница», а в 6 классе для чтения и изучения предлагалась «Ночь перед Рождеством». В 7 классе при обзоре творчества писателя упоминались «Выбранные места из переписки с друзьями».

Творчество Ф.М. Достоевского согласно программе Т.Ф. Курдюмовой все также изучалось лишь в 10 классе. На выбор учителю и учащимся предлагалось два произведения: «Преступление и наказание» и «Идиот». Достоевский больше не объявлялся противоречивым писателем, его религиозные искания не порицались. В истоках бунта Раскольникова находили не только социальные, но и философские причины, подробно разбиралась его теория о сверхличности и причины ее крушения. При разборе романа «Идиот» подчеркивалось «христианское смирение, всепрощение князя как альтернатива всеобщей жестокости». [24. С. 48].

При изучении литературы XX века было предложено много новых имен. Стали изучаться произведения И.А. Бунина (рассказы «Иоанн Рыдалец», «Чистый понедельник» и др.), подчеркивалась философичность его лирики. Преподавалось творчество А.И. Куприна. В 5 классе для чтения и обсуждения предлагались рассказы И.С. Шмелева «Мартовская капель», «Как я встречался с Чеховым. За карасями».

В 11 классе стали давать «Серебряный век» русской поэзии. Изучалось творчество В.Я. Брюсова, Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой. При изучении творчества А. Блока стал возможным разбор его ранних стихов.

Стал разрешенным роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». Так же, как и в советских программах, много часов уделялось на творчество М. Горького, при этом в программу была допущена публицистика первых лет революции («Несвоевременные мысли»).

Начала изучаться «деревенская проза». В ней акцентировалось «изображение жизни крестьянства: глубина и цельность духовного мира человека, кровно связанного с землей-кормилицей» [24. С. 59]. Изучались повести С. Залыгина, В. Белова, Б. Можяева, В. Распутина, В. Шукшина и др.

Разрешенным стало творчество А.И. Солженицына. Учителям и учащимся на выбор предлагались такие его произведения, как «Матренин двор», «Один день Ивана Денисовича» и др.

Большой шаг в сторону изучения русской литературы с учетом ее христианского характера в начале 90-х гг. XX века сделала программа под редакцией А.Г. Кутузова, которая до начала 2000-х годов концептуально не менялась. В данной программе был выделен специальный раздел «Духовная литература». С ней учеников предлагалось знакомить с 5 класса, в котором для изучения предлагалась Библия - Новый Завет в переложении А. Соколова и «Житие Бориса и Глеба». В 6 классе особо подчеркивалась связь религиозной и светской литературы, влияние религиозной литературы на светскую посредством сравнения Молитвы Господней и «Молитвы» А.С. Пушкина, изучались религиозные мотивы в стихах русских поэтов. В 7 классе предлагалось «Житие Сергия Радонежского», в 8 - на примерах «Поучения Владимира Мономаха» и «Письма преподобного оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к превосходительной NN» изучался жанр поучения и подчеркивалось значение Оптиной пустыни для русской литературы. В 9 классе был сделан акцент на духовных, православных традициях светской литературы, для изучения предлагались произведения о. Иоанна (Крестьянкина) «Проповедь» и Иеромонаха Романа «Пресвятая Богородица».

Важно заметить, что, знакомя учеников с духовной литературой, в программе под редакцией А.Г. Кутузова делался особый акцент на ее влиянии на светскую литературу. Также особым плюсом данной программы можно считать то, что в ней была предпринята попытка настроить учеников на осмысление русской литературы с учетом ее связи с православием.

Так, в 5 классе ученикам был предложен для изучения рождественский рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», в котором подчеркивалось «влияние духовной литературы на светскую литературу» [25. С. 143]. Для классов с углубленным изучением литературы рекомендовался также рождественский рассказ А.И. Куприна «Чудесный доктор».

В этом же классе для изучения предлагался рассказ Н.В. Гоголя «Заколдованное место», в котором особо акцентировался мотив нечистой силы и подчеркивалась идея о том, что от нее никогда ничего хорошего не будет. В сказочной повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» выделялось «волшебное, фантастическое и реально-бытовое, а также нравственные истоки победы добра над злом» [59. С. 145]. В 7 классе в произведении Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» подчеркивалась «проблема национального самосознания, веры и гуманизма, а также нравственная основа человеческого единства: вера, патриотизм, товарищество, вольность» [59. С. 156]. В 8 классе при сочинении-размышлении над произведением Н.В. Гоголя «Ревизор» была предложена тема «Общечеловеческое значение характеров». А в 10 классе при обзоре всего творчества Гоголя давалась литературная и общественно-политическая борьба вокруг творчества писателя: разбирались статьи В.Г. Белинского «Мертвые души» Н.В. Гоголя.

Письмо к Гоголю», К.С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя» «Похождение Чичикова, или Мертвые души», В.В. Розанова «О Гоголе (Приложение двух этюдов)». В разделе «Религиозные искания русских писателей, в котором выявлялась связь русских писателей с Православием, давалось произведение Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», где акцентировались «традиции духовной прозы в литературном произведении». [59. С. 181]. Таким образом, нельзя не заметить, что программой А.Г. Кутузова была осуществлена попытка осмыслить творчество Н.В. Гоголя в православных категориях. Точно так же обстояло дело с творчеством других русских писателей.

При изучении русской литературы XVIII века в 8 классе в творчестве Державина акцентировалось «понятие о философской лирике. Духовный мир человека XVIII века». [59. С. 161]. Однако творчество М.В. Ломоносова почему-то совсем не затрагивалось.

В 9 классе в разделе «Современная русская проза» предлагались произведения писателей-деревенщиков: В.Г. Распутина «Прощание с Матерой», В.И. Белова «Привычное дело», В.П. Астафьева «Царь-рыба». В них подчеркивалась «нравственно-философская проблематика, совесть как ключевое качество прозы этих писателей [59. С. 181].

В 10 классе при изучении творчества А.С. Пушкина был значительно сокращен объем его вольнолюбивой лирики, большее внимание уделялось его стихам, посвященным философской проблематике.

В контексте православия предлагалось изучать творчество Ф.М. Достоевского. Сразу же подчеркивалась связь писателя с христианством. В романе «Преступление и наказание» акцентировалась «Христианская концепция писателя. Своеобразие авторской позиции. Символическая структура романа» [59. С. 183]. В классах с углубленным гуманитарным курсом для изучения предлагались романы «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», где также выделялись проблемы веры и безверия, «человеческого бытия, богоборчества, духовного единения людей» [59. С. 184].

При изучении творчества Н.С. Лескова анализировались особенности образов праведников в его произведениях и подчеркивалась связь писателя с православием.

При изучении в 11 классе поэзии Серебряного века давалась «религиозно-мистическая программа русского Ренессанса» [59. С. 196]. В творчестве А. Блока в его ранней поэзии – в стихах о Прекрасной Даме – акцентировалось «Влияние В. Соловьева («Смысл любви», «Высокий Эрос») – путь к познанию бытия... Чистая вера в высшее единство и цельность мира. Мысль о причастности души человека к Мировой Душе» [59. С. 197].

Обзором предлагалась для изучения литература русского Зарубежья и творчество таких писателей, как И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев, А.М. Ремизов, М.А. Алданов, А.И. Куприн, В.В. Набоков и др. В творчестве Бунина выделялось «обращение к вечным вопросам человеческого существования» [59. С. 191]. Из произведений А.И. Куприна давалась также

повесть «Суламифь», основанная на библейской «Книге Песней» Соломона. Для самостоятельного изучения были предложены произведения Б.К. Зайцева «Афон», «Анна»; А.М. Ремизова «Оля», «Образы Николая Чудотворца»; И.С. Шмелева «Свет разума».

В разделе «Религиозные искания в русской литературе рубежа XIX и XX веков» изучалось произведение Д.С. Мережковского «Грядущий хам», С. Нилуса «На берегу священной реки». Для самостоятельного чтения учащимся здесь предлагались произведения Д.С. Мережковского «Гоголь: творчество, жизнь и религия», «Иисус неизвестный» и «Богомолье» И.С. Шмелева.

Также для самостоятельного чтения учащимся в 11 классе давались фрагменты «Розы мира» Д.Л. Андреева, «Царь-рыба», «Пастух и пастушка» В.П. Астафьева, лирика И.А. Бродского, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, «В круге первом», «Раковый корпус» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова. Все эти произведения имеют определенную связь с православной традицией, во многих из них есть христианские мотивы, образы и идеи.

Анализ уже этих двух школьных программ (Т.Ф. Курдюмовой и А.Г. Кутузова) дает основание сделать вывод о том, что в начале 1990-х годов в школьном образовании произошел отход от советского стандарта преподавания русской литературы и была осуществлена попытка изучать русскую литературу с учетом ее генезиса и в контексте исконных для нее православных традиций.

О том, что данная тенденция действительно имела место быть, свидетельствует и появление в 1990-х годах специальной литературы по данной проблематике, предназначенной для учителей, а также школьников, студентов и др., призванной ориентировать читателей на православное осмысление русской литературы. В 1994 году в московском издательстве «Школа-пресс» выходит учебное пособие С.Ф. Ивановой «Введение во храм Слова. Книга для чтения с детьми в школе и дома» [5], посвященное проблемам связи русской литературы с религией. В 1995 году в серии «Школьная библиотека» издается книга М.Г. Качурина «Библия и русская литература. Хрестоматия» [8], рекомендуемая Министерством Образования Российской Федерации, прежде всего, школьникам, абитуриентам и студентам.

Данная тенденция проявилась и в периодических изданиях, ориентированных на школу, в которых с начала 1990-х гг. начинают выходить статьи, посвященные проблеме связи русской литературы с христианством.

Так, в журнале «Литература в школе» № 2 за 1990 г. особое внимание было уделено Библии и необходимости введения ее в школьный курс: «Вся мировая культура: музыка, живопись, литература, театр – пронизана идеями Библии... Без знаний библейских заповедей, сюжетов, библейских выражений невозможно приобщиться к великой культуре... Теперь даже убежденные атеисты понимают, что знание Библии не религиозный

«дурман», а составная, необходимая часть наших общих духовных и культурных ценностей. Ныне Библия стала доступной». [12. С. 69].

В этом же журнале была напечатана статья М. Дронова «О Библии и библейском учении» [3], в которой православный священник, кандидат богословия, преподаватель Московской Духовной Академии пытается объяснить, что такое Библия, какие основные идеи она несет, в чем разница между Ветхим и Новым Заветом, чем отличается между собой четыре Евангелия.

В рубрике «Эксперимент» в этом же журнале была напечатана статья Н.Н. Костанян «Библия на уроке литературы» [9], в которой автор подчеркивает большое значение Библии как религиозного и культурного памятника, а также ее важность для понимания многих произведений русской литературы: «Учащемуся, знакомому с Библией не понаслышке, не приходится объяснять в 10 классе смысл «Легенды о великом инквизиторе» (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы») или навязывать свое объяснение при чтении романа «Преступление и наказание» (например, Соня Мармеладова и Раскольников читают о воскресении Лазаря) и т.п. Такой ученик сам уже ориентируется в литературе, умеет самостоятельно сопоставить «Иуду Искариота» Л. Андреева и сочинение булгаковского Мастера, причем в их отношении к Библии. Без сомнения, Библия как ключевой текст культуры должна вернуться в школьные курсы. Она возвышает детей духовно и трогает их эмоционально» [9. С. 128].

В начале 1990-х годов в журнале «Литература в школе» появляются статьи о необходимости увеличения в школьной программе количества произведений древнерусской литературы, о ее религиозном характере и специфических жанрах (Творогов О.В.. Литература Древней Руси в сегодняшней школе // ЛВШ № 2, 1990 [33]; Костанян Н.Н. Древнерусская письменная словесность X-XII вв. // ЛВШ №3, 1991 [10] и др.) Появляется много статей, в которых учителя делятся своим опытом преподавания тех произведений древнерусской литературы, которые в советский период не изучались, так как имели непосредственную связь с православием (М.С. Кузнецова. Чтобы душа не оскудела. Заметки с уроков по повести «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу // ЛВШ № 3, 1996 [14]; Н.Л. Крупина. Постарайтесь творить всякие добрые дела «Поучение» Владимира Мономаха // ЛВШ № 6, 2000 [13], Какшина И.В. Житие Александра Невского // ЛВШ № 4, 2001 [7] и др).

В этот же период в журнале «Литература в школе» появляются статьи, посвященные духовным исканиям Н.В. Гоголя и религиозным идеям его произведений (Воропаев В.В. О духовном смысле комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // ЛВШ № 2, 1996 [2]; Евгин А.В. Оптина пустынь в жизни Гоголя // ЛВШ № 6, 2000 [4]) Печатаются статьи, посвященные религиозности творчества Ф.М. Достоевского (Рослякова Л.Н. Нравственные ориентиры «Преступления и наказания» // ЛВШ № 2, 1994 [31]; Тарасов Ф. О Евангельских основаниях «Братьев Карамазовых» // ЛВШ № 6, 1997 [32]).

Большое внимание журнал «Литература в школе» в 1990-х - начале 2000-х годов уделял творчеству писателей–эмигрантов Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева: «Отрадным является факт введения в школьную программу по литературе произведений писателей русского Зарубежья, в том числе Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева» [19. С. 34]. При анализе их произведений особо подчеркивалось христианское миропонимание этих писателей. «Революция и гражданская война изменили мировоззрение Зайцева и Шмелева, в основе своей оно стало религиозным и привело к осознанию того, что истинное возрождение России возможно лишь на путях Православия». [19 С. 34]. В журналах давались примеры уроков, посвященных творчеству данных писателей. Интересным в этом плане представляется урок О.Н. Чепурной, посвященный очерку И.С. Шмелева «На святой», предложенный в 5 классе. (ЛВШ № 4, 2001 [36]).

В этот же период появляются статьи, посвященные влиянию религии на всю русскую литературу. (Котельников В.А. О христианских мотивах у русских поэтов //ЛВШ №1, 1994 [11]; Черкезова М.В. Библейские мотивы в русской литературе. Дидактические материалы // ЛВШ № 2, 1997 [37]). Интересной здесь представляется статья О.А. Мурашовой «Проклятые вопросы» русской литературы в духовном контексте эпохи», напечатанная в журнале «Литература в школе» № 6, 2003 [18]. В ней автор отмечает, что русские писатели всегда пытались найти ответы на вечные, «проклятые вопросы»: «Что добро и что зло? В чем смысл жизни и смерти человека? Почему человек должен творить добро?» Решение всех этих вопросов, которыми мучаются герои русской классики, прямо и непосредственно упирается в вопрос о том, верит ли человек в Бога и бессмертие души, и тогда все вопросы снимаются – или же все начинается и кончается в видимом мире?» [18. С. 24]. Религиозный исток О.А. Мурашова находит и в проблеме «лишних людей», тщательно развиваемой русской литературой. «Проблема «лишнего человека», возникшая в отечественной словесности прошлого века, неразрывно связано с вопросом смысла жизни, а это, как известно, проблема религиозная» [18. С. 24]. Обращение же к религиозным темам и к решению «проклятых вопросов» было спровоцировано, по мнению исследовательницы, начавшейся еще в XIX в. атеизацией русского образованного общества.

Таким образом, разбор статей журнала «Литература в школе» показал, что периодике, ориентированной на систему образования, в 1990-х — начале 2000-х годов явно наметился поворот к изучению русской литературы в контексте православия. Данная тенденция проявилась и в других периодических изданиях.

С сентября 2001г. издательством «Школьная пресса» начал издаваться научно-просветительский журнал «Духовно-нравственное воспитание», ориентированный на связь школы и церкви. Его статьи, написанные религиозными деятелями, специально предназначались для учителей. Так, в журнале №2 2003г. было напечатано приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия II участникам XI рождественских образовательных

чтений, посвященных вопросам культуры и образования. В нем Патриарх особо подчеркнул, что «нашему обществу, особенно детям и молодежи, так необходимо сегодня знакомство с православной культурой. Люди, включая школьников и учителей, студентов и профессоров, - все больше осознают, что Православие имеет неопределимое значение для понимания нашего прошлого, для устройства нынешней жизни и созидания лучшего будущего» [20. С. 3].

В журнале «Духовно-нравственное воспитание», прежде всего, раскрываются основы вероучения с целью помочь учителям как можно больше узнать о православной религии. В специальной рубрике «Забываемая педагогика» учителям даются советы святых отцов XIX в. как правильно учить детей. В рубрике «Современная православная педагогика» предлагаются советы ныне живущих религиозных деятелей. В рубрике «Хрестоматия» даются известные произведения классиков литературы и религиозные комментарии к ним. Например, в журнале №2 2003г. предлагается отрывок из пьесы А.Толстого «Царь Федор Иоаннович» и комментарий к нему А. Фурсова «И обрати в пещеру церковь» [35], в которой он подчеркивает божественную природу и религиозность поведения царя Федора. Таким образом, журнал «Духовно–нравственное воспитание» несомненно может явиться очень полезным для всех учителей и особенно для учителей литературы, стремящихся увидеть русскую классику в ее связи с христианскими культурными традициями.

Все вышеизложенное доказывает, что в 1990-х — начале 2000-х годов в системе образования наметилась явная тенденция к изучению русской литературы в ее исконной связи с православной традицией.

Однако такой поворот особо активно осуществлялся лишь в самом начале 90-х XX века. В последующие 10 лет данные тенденции практически не получили никакого развития.

Программа под редакцией Т.Ф. Курдюмовой в 1990-х годах лишь попыталась повернуть в сторону православия. Однако отбор многих произведений остался прежним и истолкование их давалось по старым советским образцам.

Например, в 9 классе при обзоре древнерусской литературы также, как и в советское время, внимание уделялось ее патриотическому пафосу. Очень мало говорилось о ее духовном, религиозном характере и христианских истоках.

Прежним остался отбор произведений М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина. Акценты все так же делались на патриотических идеях в их произведениях, борьбе с властью, теме поэта и поэзии. Ничего не говорилось о христианских темах некоторых произведений, не упоминались стихи, выражающие православную позицию писателей.

Вне православного контекста продолжало даваться творчество А.С. Пушкина.

По-прежнему не подчеркивался христианский характер творчества Н.В. Гоголя. Его произведения продолжали трактоваться в духе советской идеологии как обличающие самодержавно-крепостнический строй.

Недостаточно акцентировалась религиозная концепция Ф.М. Достоевского. Делался упор на своеволие и гордыни Раскольникова, но не указывался их источник – безверие. Продолжали разбирать споры вокруг творческого наследия Достоевского.

Введение новых имен при изучении литературы XX века мало что изменило в принципах методологии. Христианские мотивы в произведениях не акцентировались. В них прежде всего выделялись социальные, обличающие действительность стороны.

В поэме А. Ахматовой «Реквием» особо подчеркивалась «глубина и яркость переживаний, тема поэта и поэзии, тема Пушкина, тема Родины и гражданского мужества» [24. С. 58]. Религиозные мотивы и образы не упоминались.

В романе Б.Пастернака «Доктор Живаго» акцентировалась «тема интеллигенции и революции и ее решение» [24. С. 59], а на христианские мотивы произведения, религиозную концепцию писателя не обращали внимание..

В произведениях А.И. Солженицына акцент делался на социальных, а не духовных, христианских идеях. В них особо подчеркивалась лишь «тема трагической судьбы человека в тоталитарном государстве, тема ответственности народа и его руководителей за настоящее и будущее страны» [24. С. 60]

Таким образом, программа под редакцией Т.Ф. Курдюмовой 1990-х годов продолжала видеть ценность русской литературы в ее критическом пафосе, то есть следовала типичным советским образцам при изучении данной дисциплины.

В начале 2000-х годов Т.Ф. Курдюмова совершенно отходит от тенденции изучения русской литературы в контексте православия. Из программы 2001 года убирается изучение Библии в средних классах. В остальном, не произошло никаких принципиальных изменений по сравнению с программой, предложенной Т.Ф. Курдюмовой в 1991 году.

С точки зрения осмысления христианского характера русской литературы в программе Т.Ф. Курдюмовой 2001 года можно выделить лишь три положительных момента:

1. Акцент в лирике М.В. Ломоносова «безграничного мироздания и богатства Божьего мира» [25. С. 101] через предложенное для изучения «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния».
2. Предложенное в 6 классе произведение А.И. Куприна «Чудесный доктор» и связанный с ним теоретический материал о жанре рождественского, новогоднего, святочного рассказа.

3. Изучение в 8 классе жанра жития – «Сказание о житии Александра Невского» и «Преподобный Сергий Радонежский» Б. Зайцева.

Но в целом программа под редакцией Т.Ф. Курдюмовой осталась вне осмысления русской литературы в контексте ее исконных православных традиций.

Наиболее последовательной в обращении к христианскому характеру русской классики оказалась *программа под редакцией А.Г. Кутузова*, которая, как выше отмечалось, за 10 лет совершенно не изменилась. Особо значимым в ней явилось введение сквозного курса «Духовная литература», в котором подчеркивались религиозные традиции русской светской литературы. Положительным моментом явилось акцентирование православного мировоззрения русских писателей, отбор произведений, несущих христианскую концепцию и доказывающих религиозный характер всей русской литературы.

Однако, несмотря на все плюсы, в программе по литературе под редакцией А.Г. Кутузова к началу 2000-х годов обнаружилось весьма существенные недостатки, связанные с тем, что данная программа оказалась не очень продуманной в отборе произведений и организации их прочтения и осмысления.

При изучении русской литературы по данной программе становится очевидным, что сам раздел «Духовная литература» введен скорее для решения просветительских задач, т.е. для простого ознакомления детей с таким видом литературы: «Введен сквозной курс «Духовная литература», представляющий одну из важнейших пограничных областей искусства слова». [25. С. 138]. Несомненно при изучении данного курса есть попытки показать связь религиозной и светской литературы на уровне традиций, но эти традиции показаны не на идейно-проблемном уровне, а скорее на уровне образно-тематического мира (фабулы, сюжета, образов).

Нельзя не заметить и то, что программа А.Г. Кутузова не ставит перед собой принципиальную задачу увидеть русскую литературу в контексте православия, поэтому «Духовная литература» относится к «пограничной» области искусства слова и не вводится понятия преемственности между духовной и светской литературой именно на идейно-проблемном уровне.

Не продуманным является и отбор текстов религиозной литературы. Так, предложенное в 5 классе «Житие Бориса и Глеба» представляется достаточно сложным для 10-летних учеников. Текст «Жития Сергия Радонежского», который дается в учебнике для 8 класса, довольно большой по объему. Сложный архаичный стиль, свойственный любому духовному произведению, обязательно вызовет у детей трудности. Вряд ли является разумным в 11 классе в разделе «Религиозные искания в русской литературе рубежа XIX и XX веков» предлагать такие малоизвестные произведения, как «Грядущий хам» Д.С. Мережковского и «На берегу священной реки» С. Нилуса, которые многие учителя скорее всего не читали и глубоко не осмыслили.

Таким образом, в начале 2000-х годов две основные школьные программы в плане преподавания русской литературы в контексте православия оказались далеки от совершенства.

На данное обстоятельство обратил особое внимание диакон Андрей Кураев, в связи с чем в 2003 г. он издал специальную книгу «Школьное богословие. Взрослым о детской вере» [15], предназначенную прежде всего для учителей. В своей работе А. Кураев принципиально подчеркнул, что долгое время учителя преподавали литературу по советскому образцу, делая акцент на ее критическом пафосе, а знания о религии у них были лишь из лекций по «научному атеизму». В связи с этим, по мнению диакона, резкий поворот к осмыслению связи русской литературы с православием и преподаванию духовных произведений, в частности Библии, многих учителей просто поставил в тупик. Учителям, как отмечает Кураев, не было предложено никаких методических материалов, которые могли бы помочь им самим разобраться в новом материале. Именно поэтому диакон решил предложить свой опыт кратких размышлений над библейскими текстами, прежде всего, в помощь учителям, так как, по его мнению, «если удастся детям привить хотя бы начальные навыки религиозной мысли и научить их проникать чуть глубже поверхности текста – значит, уроки по знакомству с библейскими отрывками смогут принести пользу даже неверующим ученикам» [15. С. 9].

В своей книге А. Кураев настаивает на том, что религиозное воспитание детям просто необходимо, так как оно служит своеобразной духовной защитой от зла. Ребенку к тому же, по мнению А. Кураева, изучение Библии и всего, что связано с Богом и чудесами, очень интересно. «Ребенок – не агностик, его восприятие духовного мира и живо, и реалистично. Он очень мистично видит мир...Для ребенка ничего сверхъестественного нет. Для него чудо встроено в распорядок дня, для него неестественно быть материалистом» [15. С. 20]. Однако школьные программы, как утверждает А. Кураев, при изучении произведений духовной литературы и собственно Библии совершают ряд существенных ошибок: «В хрестоматию по литературе для пятых и sixth классов общеобразовательных школ введены библейские отрывки. Надо отметить, что не удачно именно такое решение о включении библейских текстов в учебную программу» [15. С. 6]. По мнению А. Кураева, для изучения Библии выбран неподходящий возраст учеников, так как он делает их «маловосприимчивыми к собственному смыслу Писания. Пятиклассники – это уже не те малыши, которые доверчиво относятся к любому рассказу, но еще и не старшеклассники, способные понимать культурно–символическую реальность библейских текстов самих по себе. Пятиклассники будут приставать к учителям с одним вопросом: «Это правда или нет? Действительно так было или нет?» И, увы, пожалуй, найдутся учителя, которые не смогут сказать ничего кроме: «Это, дети, еврейский фольклор такой». И все еще реалистичным остается предположение, что в ответ на

детский вопрос о Евангелии может прозвучать куда более разрушительное: «Поповские бредни» [15. С. 6].

Также А. Кураев считает неудачным выбор собственно библейских текстов: «Священная история в простых рассказах для чтения в школе и дома» о. Александра Соколова – не лучшая из существующих «Детских Библий». Кроме того, она слишком отмечена стилем прошлого века, и, поэтому, вопреки своим популяризаторским целям, сегодня она, скорее, отдаляет текст от читателя, а не приближает к нему» [15. С. 7].

Иным, по мнению А.Кураева, мог бы быть сам подбор библейских сюжетов из Нового Завета. «Суть Евангелия - не в притчах, а в рассказе о Жертве Христа. Но именно об этом, самом главным событии Нового Завета, дети так ничего и не узнают. Кроме того, для детского восприятия ближе была бы сюжетная, запоминающаяся история Страстей, а не притчи (остающиеся особенно непонятными вне контекста самого Евангелия)» [15. С. 7].

Таким образом, книга А.Кураева «Школьное богословие. Взрослым о детской вере» была написана, прежде всего, для учителей точно так же, как и вышеназванные книги С.Ф. Ивановой и М.Г. Качурина. Но следует отметить, что многие учителя, вероятно, даже не знают об их существовании, так как подобные книги не популяризируются и на них практически нет ни отзывов ни рецензий.

Что же касается периодики, ориентированной на школу, то несмотря на то, что в 1990-х — начале 2000-х годов в ней явно наметился поворот к православному осмыслению русской литературы, количество и качество статей по данной теме оставляют желать лучшего. Статьи печатаются довольно редко и в основном в разделе «Наши духовные ценности». Недостаточно представлено опытов уроков, посвященных христианскому характеру русской литературы, а если и представлены, то православный аспект слабо акцентирован. Так, в статье Шибановой И.И. «Повесть временных лет» 8 класс», (ЛВШ № 4 2001 [38]) автор совершенно не указывает на христианское мировоззрение летописцев.

Таким образом, в 1990-х — начале 2000-х годов в российском литературоведении, а также в школьном образовании наметились тенденции к изучению русской литературы в контексте ее исконных православных традиций. В школьные программы было введено много новых имен и произведений, были осуществлены попытки их адекватного прочтения. В школьной периодике начали печататься статьи, посвященные религиозным проблемам русской классики. Появились специальные книги и журналы, ориентирующие учителей на православное осмысление русской литературы.

Однако положительные тенденции, заявившие о себе в начале 90-х годов XX века, в дальнейшем не получили должного развития. Уже в начале 2000-х годов стало очевидным, что в основе своей школьные программы либо продолжали давать произведения по советским образцам, либо предлагали непродуманную систему произведений без конкретной организации их прочтения и осмысления. Несовершенными в аспекте

осмысления русской литературы в контексте православия оказались многие статьи в школьной периодике, не популяризировались специальные книги и журналы, предназначенные для учителей.

Что же касается современного состояния проблемы, то следует отметить, что по сравнению с периодом начала 2000-х годов ситуация с изучением в школе русской литературы в контексте исконных для нее православных традиций стала еще более сложной. Анализ основных школьных программ: Т.Ф. Курдюмовой и др. (Дрофа); В.Я. Коровиной и др. (Просвещение); Г.С. Меркина, С.А. Зинина, В.А. Чалмаева (Русское слово) — показал, что на современном этапе русская литература в школе изучается практически без учета ее православного характера и христианских традиций, а многие литературные произведения продолжают преподаваться по советским образцам.

Данная тенденция особо очевидна при изучении древнерусской литературы. Во все вышеназванные программы в соответствии с обязательным минимумом содержания основных образовательных программ включены древнерусские произведения. Однако количество их в разных программах различно.

Так, в программе под редакцией В.Я. Коровиной данный раздел предлагается в каждом классе. В 5-ом классе вводится понятие о древнерусской литературе, говорится о жанре летописи и о «Повести временных лет» как культурном памятнике, предлагается для изучения «Подвиг отрока киевлянина и хитрость воеводы Претича». Однако следует отметить, что хотя в данной программе и подчеркиваются особенности возникновения древнерусской литературы и литературные связи Руси с Византией, тот момент, что в целом древнерусская литература была по сути христианской и несла в себе глубокие религиозные идеи, практически упускается из виду. Религиозное миропонимание летописца также никак не акцентируется, а выделяется лишь «связь летописи с фольклором» [30. С. 9].

В 6-ом классе согласно программе В.Я. Коровиной для изучения вновь предлагается «Повесть временных лет» («Сказание о белгородском киселе»). Здесь даются «исторические сведения о принятии на Руси христианства» [29. С. 49], однако связь летописи с христианским миропониманием так же не подчеркивается, акцент делается на «связи древнерусской литературы с устным народным творчеством» [29. С.49]. В самой летописи акцентируется «отражение исторических событий и вымысел, отражение народных идеалов (патриотизма, ума, находчивости)» [30. С. 29]. В числе основных умений учеников в результате изучения данного произведения согласно программе должно быть умение «определять связь между летописным и фольклорным произведением» [30. С. 29].

В 7-ом классе программа В.Я. Коровиной предлагает «Поучение Владимира Мономаха» и «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Но даже при характеристике этих произведения, столь тесно связанных с православием, в данной программе такие слова, как «религиозный», «христианский», «православный» и подобные им, не употребляются. В

«Поучении Владимира Мономаха» подчеркивается лишь отражение «народных идеалов: трудолюбия, миролюбия, милосердия, сострадания» [30. С. 51] и др. и нигде не говорится о связи этих идеалов с христианским миропониманием. Данные идеалы подаются как «нравственные заветы Древней Руси» [30. С. 51], и при этом особо подчеркивается «гуманистический пафос древнерусской литературы» [30. С. 51]. При изучении «Повести о Петре и Февронии также подчеркиваются прежде всего «Нравственные заветы Древней Руси» [30. С. 51] и особо выделяется «Реальное и фантастическое в повести. Связь повести с фольклором (сказочный образ Февронии — мудрой девы, фантастические превращения змея, посмертные чудеса героев)» [30. С. 51]. Хотя совершенно очевидно, что прежде всего это произведение связано с жанром жития и «посмертные чудеса героев» являются элементом именно этого жанра, а не сказки.

В 8-ом классе в разделе «Древнерусская литература» программа В.Я. Коровиной предлагает «Житие Александра Невского». При этом при характеристике данного уже всецело религиозного жанра в данной программе вновь даже не использованы слова, связанные с религиозной сферой. Особо подчеркивается патриотический пафос произведения и то обстоятельство, что оно по сути ближе к воинской повести, выделяются «Бранные подвиги Александра Невского и его духовные подвиг самопожертвования» [30. С. 75], предлагается сравнить «Житие..» с «былинами, фольклорной лирикой, обрядовой народной поэзией» [29. С. 150), с целью продемонстрировать связь древнерусской литературы с фольклором. Также в 8-ом классе для изучения предлагается сатирическая повесть «Шемякин суд».

В 9-ом классе для изучения предлагается «Слово о полку Игореве». Перед его изучением предлагается повторение изученного по древнерусской литературе и выделяются ее основные черты: «исторический характер, этикетность» [30. С. 100]. В самом произведении подчеркивается историческая основа, сюжет, а также фольклорные мотивы.

В 10-11 классе, согласно госстандарту, древнерусская литература не преподается. Таким образом, обзор предложенных программой В.Я. Коровиной текстов для изучения древнерусской литературы свидетельствует о том, что, согласно данной программе, словесность Древней Руси, как и в советский период, преподается крайне искаженно, практически без учета ее христианского характера.

Данные тенденции можно обнаружить и в других современных школьных программах. Так, программа по редакции Т.Ф. Курдюмовой вообще не предлагает изучение древнерусской литературы в 5-7 классах. В 8 классе данная программа вводит данный раздел, включив в него такие произведения, как «Повесть временных лет», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание о житии Александра Невского» и произведение Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский». В данной программе особо акцентируется роль принятия христианства в развитии русской литературы, «религиозно-назидательный смысл житийной литературы» [30. С. 218].

Однако при этом в древнерусской литературе подчеркиваются прежде всего «особенности отражения исторического прошлого» [30. С. 217], в воинской повести выделяется патриотический пафос, связь с былинами и фольклорные элементы. Жития святых подаются как «исторические повествования» и в них подчеркивается «роль нравственного поучения» [30. С. 218]. В 9 классе программа Т.Ф. Курдюмовой дает «Слово о полку Игореве» как «высокопоэтическое патриотическое произведение, первое произведение национальной классики» [30. С. 241] и особо выделяет «символику и фольклорные образы в произведении» [30. С. 242].

В программе по литературе для 5-9 классов Г.С. Меркина древнерусская литература дается с 5 по 9 класс. Следует отметить, что при характеристике некоторых произведений Древней Руси данная программа не упускает из виду их христианский характер. Так, в 6 классе подчеркиваются такие концепты древнерусской литературы, как «вера, святость, греховность» [26. С. 42]. В 7 классе - «религиозность» [26. С. 52]. Тем не менее, основной проблематикой древнерусской литературы данная программа называет проблематику нравственную. Так, в 5 классе при первичном изучении данного вида литературы ничего не говорится о ее христианском характере, а подчеркивается лишь «нравственная позиция автора в произведениях древнерусской литературы» [26. С. 28]. в 6 классе - «нравственная проблематика житийной литературы» [26. С. 42]. В 8 классе при изучении «Жития Александра Невского», «Сказания о Борисе и Глебе», «Жития Сергия Радонежского» «святость, служение Богу» вместе с благочестием, добротой, открытостью, неспособностью к насилию, мудростью, готовностью к подвигу во имя Руси относятся опять же «Нравственным проблемам житийной литературы» [26. С. 67]. В 9 классе при изучении «Слова о полку Игореве» подчеркивается прежде всего патриотический пафос произведения.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что произведения древнерусской литературы в современной школе в целом рассматриваются вне православного контекста, и связь их с христианством практически не подчеркивается. Данное обстоятельство, вероятно, является следствием тенденции преподавания произведений русской литературы по советским образцам, в связи с чем православный характер древнерусской словесности практически игнорируется, несмотря на предлагаемые для изучения произведения сугубо религиозных жанров (например, жития). Очевидно, что при таких условиях отсутствует адекватное прочтение произведений древнерусской литературы, не выявляются христианские традиции, оказывавшие влияние на развитие русской литературы последующих периодов. В связи с этим в дальнейшем русская литература в современной школе прочитывается без учета ее генезиса и этих традиций, не осмысливается в православном контексте, что приводит к искаженной интерпретации литературных произведений.

При изучении русской литературы XVIII в. современные школьные программы в целом также следуют советским образцам, и интерпретация произведений происходит вне православного контекста.

Программа В.Я. Коровиной предлагает изучение русской литературы XVIII в. с 5 по 9 класс. В 5 классе дается стихотворение М.В. Ломоносова «случились вместе два Астронома в пиру», в котором подчеркиваются «научные истины в поэтической форме» и «юмористический характер стихотворения» [30. С. 10]. В 6 классе происходит ознакомление с баснями И.И. Дмитриева и И.А. Крылова. В 7 классе предлагается ода Ломоносова «К статуе Петра Великого» и «Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны». При этом особо подчеркивается «патриотизм М.В. Ломоносова. Признание труда, деяний на благо России важнейшей чертой гражданина» [30. С. 51]. Из творчества Державина в этом же классе изучаются стихотворения «Река времен в своем стремленьи», «На птичку», «Признание», в которых акцентируются «философские размышления поэта о смысле жизни, судьбе. Понимание необходимости свободы творчества» [30. С. 52]. Религиозная проблематика в творчестве поэта не выделяется. В 8 классе изучается комедия Д.А. Фонвизина «Недоросль», в которой подчеркиваются «сатирическая направленность» и «проблема воспитания истинного гражданина» [30. С. 75]. В 9 классе дается общая характеристика русской литературы XVIII в., характеризуются основные литературные направления данной эпохи (классицизм, сентиментализм), подчеркивается патриотическая направленность произведений XVIII в.: «Идея гражданского служения. <...> Пафос государственного строительства и преобразований. Задача социального и нравственного воспитания граждан» [30. С. 101]. Для более пристального изучения предлагается «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» М.В. Ломоносова, но даже в этом произведении, в котором очевиден приоритет религиозной проблематики, выделяется прежде всего не тема Бога-Творца, а восхищение «творениями природы» [30. С. 101].

Программа Т.Ф. Курдюмовой предлагает изучение русской литературы XVIII в. лишь в 8-9 классах. В 8 классе обзором даются пьесы Я.Б. Княжнина и рассказывается об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Для более подробного изучения предлагается повесть Н.М. Карамзина «Марфа-посадница», в которой подчеркивается историческая основа, а также «бескомпромиссность натуры героини» [30. С. 220]. Произведения, предлагаемые программой Т.Ф. Курдюмовой в 9 классе, и по принципу отбора и по особенностям интерпретации, в целом даются практически по советским образцам. При обзоре творчества М.В. Ломоносова акцент делается на реформе стихосложения, создании теории трех штилей. В «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 г.» подчеркивается «прославление России, мира, науки и просвещения» [30. С. 243]. При изучении творчества Г.Р. Державина предлагается ода «Фелица», а также стихотворение

«Властителям и судьям». При этом не отмечается религиозная направленность произведения, и то, что оно является переложением одного из библейских псалмов. Данное произведение относится к разряду сатиры: «Сатира «Властителям и судьям» как эмоциональное обличение беззакония, призыв к справедливости, высокий гражданский пафос стихотворения» [30. С. 243]. Также для изучения предлагается стихотворение «Памятник», в котором выделяется тема поэта и поэзии. Помимо творчества Ломоносова и Державина в 9 классе программа Т.Ф. Курдюмовой предлагает сатирическую комедию Фонвизина «Недоросль», в которой как основная выделяется проблема воспитания истинного гражданина; повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» как произведение русского сентиментализма; обзором дается «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, при изучении которого подчеркивается «зарождение в литературе антикрепостнической направленности» и «быт и нравы крепостнической Руси в произведении» [30. С. 245].

Те же тенденции при изучении русской литературы XVIII в. можно обнаружить в *программе Г.С. Меркина*. В 5 классе для изучения предлагаются басни (В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, И.А. Крылова). В 6 - «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф» М.В. Ломоносова, в которых подчеркивается «отражение позиций ученого и гражданина» [26. С. 42]. В 7 классе при изучении «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» выделяются лишь «мысли о просвещении, русском языке; вера в творческие способности народа» [26. С. 52]. В творчестве Г.Р. Державина предлагается стихотворение «Властителям и судьям», при характеристике которого отмечается лишь «тема поэта и власти» [26. С. 53]. В этом же классе предлагается комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль», в которой прежде всего выделяются социальные вопросы и сатирическая направленность. В 8 классе предлагаются стихи Г.Р. Державина «Памятник», «Вельможа», в которых подчеркиваются такие темы, как «власть и народ», «поэт и власть», а также сентиментальная повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». В 9 классе предлагается произведение А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором выделяются прежде всего «идеи Просвещения: гуманизм, человеческое достоинство, свобода личности; антикрепостническая направленность «Путешествия...»; Человек и государство; писатель и власть» [26. С. 80].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что согласно современным школьным программам русская литература XVIII в. продолжает преподаваться в русле советской методологии. Об этом свидетельствует отбор текстов, их интерпретация (акцент на тему поэта и поэзии, патриотические идеи т. п.), замалчивание о произведениях на религиозную проблематику (например, в творчестве Державина). Особо значимым моментом является то, что в школьных программах даже не упоминается о христианских традициях древнерусской литературы, занимающих весьма существенное место в литературе XVIII в., а подчеркиваются лишь просветительские идеи. В связи с этим произведения русской литературы

XVIII в. прочитывается без учета генезиса отечественной словесности и вне православного контекста.

Советские атавизмы в школьном преподавании русской литературы можно обнаружить и при изучении русской классики XIX в. Например, в каждой из школьных программ в 9 классе говорится об особенностях Золотого века русской литературы, однако нигде в данном обзоре не отмечаются христианские традиции русской литературы. Опять же слова «христианский» и «православный» даже не употребляются. Программа *В.Я. Коровиной* выделяет здесь «формирование представлений о национальной самобытности русской изящной словесности» [29. С. 203]. Программа *Т.Ф. Курдюмовой* подчеркивает «чуткость русской литературы к решению нравственных вопросов; гуманистический пафос русской литературы» [30. С. 246].

Данные тенденции можно увидеть и при изучении творчества отдельных писателей, особенно произведений, включающих в себя религиозную проблематику. Так, при анализе баллады В.А. Жуковского «Светлана» только в программе *В.Я. Коровиной* наряду с фантастикой и фольклорным началом подчеркивается «нравственный мир героини как средоточие народного духа и христианской веры. Светлана — пленительный образ русской девушки, сохранившей веру в Бога и не поддавшейся губительным чарам» [29. С. 205]. В других программах этот концептуальный момент при характеристике данного произведения почему-то упущен. *Т.Ф. Курдюмова* отмечает лишь «черты национального характера героини. Фольклорные мотивы, фантастика, образы-символы. Страшное и смешное в балладе» [30. С. 209]. Примерно то же самое подчеркивает в своей программе *Г.С. Меркин*: «Баллада «Светлана»: фантастическое и реальное; связь с фольклором, традициями и обычаями народа» [26. С. 43].

Вне православного контекста изучается и творчество А.С. Пушкина, произведения которого преподаются в школе с 5 по 11 класс. Несмотря на то, что по сравнению с советским периодом изучения творчества поэта на современном этапе произошли некоторые изменения в отборе текстов и их интерпретации, следование советским образцам здесь все-таки весьма очевидно. Так, во всех программах достаточно большое место уделяется вольнолюбивой лирике поэта. Например, при обзоре творчества А.С. Пушкина в 10 классе программа *В.Я. Коровиной* особо подчеркивает «эволюцию темы свободы и рабства в лирике поэта» [16. С. 7].

Весьма подробно изучается роман «Дубровский», в котором школьные программы подчеркивают, прежде всего, социальный конфликт. Так, программа *В.Я. Коровиной* отмечает здесь «неправедность суда, продажность чиновничества. Бунт крестьян» [30. С. 31].

При изучении повести «Капитанская дочка» в современной школе уже не делается акцент на стремлении оправдать Пугачева в его борьбе с «классовыми врагами». Во всех программах отмечается собственное отношение Пушкина к «бунту бессмысленному и беспощадному». Однако данное произведение все-таки не прочитывается в православном контексте.

Во всех программах отмечается лишь интерес Пушкина к истории и его попытка создать историческое произведение, отмечаются и нравственные проблемы повести. Так, в программе *В.Я. Коровиной* особо выделяется «понятие об историзме художественной литературы» [30. С. 77], подчеркивается «проблема чести, достоинства и нравственного выбора» [30. С. 78]. *Т.Ф. Курдюмова* также особо отмечает жанр исторической повести, подчеркивает духовные качества семейства Мироновых, противоречивость образа Пугачева и др. В программе *Г.С. Меркина* выделяется, прежде всего, нравственная проблематика произведения: «любовь и дружба, любовь и долг, вольнолюбие, осознание предначертанья, независимость, литература и история» [26. С. 69]. Ни в одной из программ ничего не говорится о том, что в данном произведении А.С. Пушкин стремился показать, прежде всего, тип поведения христианина в миру, жизнь по христианской системе ценностей или в противоречии с нею. Данная проблема никак не выделяется, поскольку произведение прочитывается вне православного контекста.

То же самое можно сказать и о других произведениях А.С. Пушкина. Например, стихотворение «Пророк», написанное на религиозную тему и включающее в себя христианские образы и символы, согласно школьным программам изучается в рамках «Темы поэта и поэзии в лирике А.С. Пушкина». При характеристике данного произведения в программах опять же даже не используются слова религиозной сферы, основная идея произведения тем самым не подчеркивается. Так, в программе *В.Я. Коровиной* акцентируется лишь «Служение поэзии, родственное служение Пророка. Роль архаических образов и выражений в произведении» [30. С. 107]. То же самое выделяется и в программе *Т.Ф. Курдюмовой*: «Служение поэзии, родственное служение Пророка. Вдохновение поэта как особое состояние. Роль архаичной лексики в создании философского настроения» [30. С. 250].

Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» так же остается практически вне православного осмысления. В программе *Т.Ф. Курдюмовой* подчеркивается «противопоставление суетного, мирского и божественного, духовного. Понимание Пименом своей работы как долга перед потомками, «завещанного от Бога»» [30. С. 223]. Основной же конфликт трагедии подается как «Столкновение преступной власти и нравственных позиций народа» [30. С. 223]. В связи с этим в произведении, прежде всего, выделяются исторические и нравственные проблемы. Программа *В.Я. Коровиной* также подчеркивает в трагедии «Борис Годунов» «нравственные проблемы, проблему народа и власти» [16. С. 8].

В русле советской методологии продолжает изучаться роман «Евгений Онегин». Во всех программах роман изучается в русле критического реализма, как «энциклопедия русской жизни». При анализе, прежде всего, подчеркивается «отражение в романе социального, бытового и культурного уклада русской жизни начала XIX века; проблема человека и социальной среды» [16. С. 8-9]. Образ Евгения Онегина разбирается в контексте темы «лишнего человека» в русской литературе. В образе Татьяны находят

«милый идеал» А.С. Пушкина, особенно подчеркивая «роль фольклорных образов в раскрытии душевного мира героини» и «соединение а образе Татьяны народной традиции с высокой дворянской культурой» [30. С. 251]. При этом понятие «народной традиции» никак не расшифровывается и поданное в совокупности с «фольклорными образами», вероятно, соотносится прежде всего с ними. Таким образом, роман «Евгений Онегин» согласно современным школьным программам изучается практически по советским стандартам и осмысливается вне православной традиции.

Очевидно, что такой вывод можно сделать в целом об изучении творчества А.С. Пушкина в современной школе. Несмотря на то, что имя поэта более не относится ни к какому этапу освободительной борьбы и его не пытаются представить декабристом и революционером, А.С. Пушкин в школьном изучении предстает, прежде всего, как писатель-реалист, критически относящийся к окружающей его действительности. Произведения А.С. Пушкина изучаются вне православной традиции, в связи с чем часто получают либо поверхностное толкование, либо существенно искаженную интерпретацию.

То же самое можно сказать и о школьном изучении творчества Н.В. Гоголя. Несмотря на то, что в постсоветском литературоведении появилось достаточно много работ, посвященных религиозности творчества данного писателя, школьные программы по каким-то причинам практически проигнорировали данное обстоятельство. При характеристике произведений Н.В. Гоголя, которые изучаются с 5 по 11 класс, в школьных программах даже не употребляются слова религиозной сферы, а произведения интерпретируются вне православного контекста.

Согласно всем школьным программам в 5 классе для изучения предлагается цикл Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», в котором ни одна из программ не выделяет никакой религиозной проблематики, но в каждой программе обязательно подчеркивается связь данного цикла с украинским фольклором. Так, при изучении повести «Заколдованное место», в программе *В.Я. Коровиной* особо выделяется «национальный колорит повести <...> Фольклорные традиции в создании образов. Реальное и фантастическое, трагическое и комическое» [30. С. 14]. Абсолютно то же самое, но только в повести «Пропавшая грамота», отмечается в программе *Т.Ф. Курдюмовой*, в которой относительно «Вечеров» также подчеркивается следующее: «Истории, близкие к народным сказкам, поверьям, как основа сюжетов популярных повестей Н.В. Гоголя» [30. С. 145]. В программе *Г.С. Меркина* в 5 классе для изучения предлагается повесть «Ночь перед Рождеством», при характеристике которой выделяется «отражение в повести славянских преданий и легенд <...> Суеверие, злая сила, зло и добро в повести» [26. С. 31]. Очевидно, что изучение данного цикла в современной школе продолжает идти по советским шаблонам.

В русле советской методологии в современной школе преподается и повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Во всех программах акцент делается на патриотических идеях произведения, прославлении боевого товарищества

Запорожской Сечи, подчеркивается «нравственный облик Тараса Бульбы и его товарищей-запорожцев: героизм, удаля, самоотверженность, стойкость, верность боевому товариществу» [30. С. 227], а также историческая и фольклорная основа повести.

В аспекте критического реализма подается комедия Н.В. Гоголя «Ревизор», в которой во всех программах выделяется социальная проблематика и подчеркивается «сила обличения социального зла» [30. С. 201]. Ни в одной из программ не упоминается написанная Н.В. Гоголем «Развязка Ревизора» и не говорится о религиозно-символическом смысле комедии.

При анализе поэмы «Мертвые души» в программах так же подчеркивается прежде всего «социальная острота и сатирический пафос» [30. С. 115], критическое изображение помещиков, разоблачение пороков чиновничества, изображение Чичикова как типичного дельца буржуазной эпохи. Но, даже говоря о замысле поэмы и затрагивая тему «живой» и «мертвой» души, программы ничего не говорят о религиозной проблематике данного произведения.

Таким образом, творчество Н.В. Гоголя в современной школе преподается вне православного контекста, религиозность творчества писателя игнорируется, произведения его анализируются прежде всего в аспекте критического реализма. В качестве исключения можно указать на обзор творчества Н.В. Гоголя в 10 классе, в котором, согласно программе *В.Я. Коровиной*, при анализе таких произведений, как «Шинель», «Мертвые души» выделяется «христианская позиция писателя» [16. С. 13] и для изучения предлагаются «Выбранные места из переписки с друзьями». Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что творчество Н.В. Гоголя преподается в современной школе преимущественно в русле советской методологии.

Так же сложно обстоит дело и с изучением творчества Ф.М. Достоевского. Следует отметить, что произведения писателя в школьных программах встречаются нечасто. Что же касается религиозности его творчества, которую проигнорировать крайне сложно, то здесь по сравнению с советским периодом имеются положительные тенденции. Так, Достоевского больше не объявляют противоречивым писателем и не порицают за его религиозные взгляды. В некоторых случаях в программах предлагается и анализ его произведений с выделением христианских идей. Например, программа *Т.Ф. Курдюмовой* в 6 классе предлагает для изучения главы из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» («Надрыв в избе», «Коля Красоткин», «Жучка»), при анализе которых подчеркивается «очистительная сила потрясений. Стремление детей к добру, правде, дружбе, любви и прощению <...> Восприятие мальчиками христианских, общечеловеческих ценностей» (Кур1, с. 177). В программе *В.Я. Коровиной* наряду с выделением идейно-нравственной проблематики романа «Преступление и наказание» подчеркивается «Христианская концепция

Достоевского. Значение деталей в романе (*символы крови, креста, Воскресения*)» [16. С. 25].

Однако в школьном изучении все-таки преобладает тенденция к интерпретации произведений Достоевского в русле советской методологии, что особенно очевидно при анализе романа «Преступление и наказание», в котором в качестве основной выделяется проблема униженных и оскорбленных, и бунт Раскольникова социально оправдывается. Так, программа *Т.Ф. Курдюмовой* выделяет в этом романе прежде всего философскую и идейно-нравственную проблематику, подчеркивает социальные и философские истоки бунта героя. На первый план выходят «образы униженных и оскорбленных», и образ Сонечки Мармеладовой в этом контексте подается в аспекте поиска писателем нравственного идеала. Христианские идеи практически не акцентируются, лишь мельком упоминается о наличии библейских мотивов в романе. Примерно так же «Преступление и наказание» характеризуется в программе *С.А. Зинина, В.А. Чалмаева*, в которой подчеркивается прежде всего «мир «униженных и оскорбленных» и бунт личности против жестоких законов социума», а также «нравственно-философский смысл преступления и наказания Родиона Раскольникова» [26. С. 113]. Так же мельком упоминаются евангельские мотивы в романе.

Очевидно, что роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского в современной школе продолжает преподаваться в русле советской методологии. Заслуженный учитель России Л.С. Айзерман, достаточно часто публикующий в журнале «Литература в школе» статьи о творчестве Достоевского, в одной из них [1] особо отметил, что в современной школе при изучении произведения «Преступление и наказание» часто теряется идея Раскольникова. Роман интерпретируется как протест против социального зла, унижения, а Раскольников оправдывается, так как цель его преступления оценивается как гуманистическая. Все это, с точки зрения Л.С. Айзермана, является совершенно неприемлемым.

Как и в советский период, в современной школе уделяется достаточно большое внимание творчеству Л.Н. Толстого. Программы предлагают различные его произведения с 5 по 8 класс, такие как «Кавказский пленник», «Детство», «Отрочество», «После бала». Согласно всем программам в 10 классе изучается роман Л.Н. Толстого «Война и мир», в котором подчеркивают прежде всего патриотизм, «диалектика души» любимых героев Толстого, «мысль народная» и «мысль семейная». Следует отметить, что в современной школе уже не изучаются статьи В.И. Ленина, посвященные Л.Н. Толстому и не подвергаются критике религиозные взгляды писателя. Однако о религиозных поисках Л.Н. Толстого в современной школе вообще ничего не говорится, как и не подчеркиваются христианские традиции в его творчестве, а произведения писателя не прочитываются в православном контексте, а анализируются, прежде всего, в аспекте критического реализма.

Следует отметить, что в аспекте критического реализма преподается творчество практически всех писателей XIX в. Например, при изучении творчества Н.А. Некрасова отбор произведений остался практически таким же, каким он был и в советской школе. Так, программа *В.Я. Коровиной* предлагает для изучения такие произведения писателя, как стихотворения «На Волге», «Железная дорога», отрывки из поэм «Мороз. Красный нос» и «Крестьянские дети», стихотворения «Размышления у парадного подъезда», «Вчерашний день в часу в шестом», поэму «Кому на Руси жить хорошо». При этом при анализе произведений подчеркивается, прежде всего, социальная проблематика, «раздумья поэта о судьбе народа» (кор1, с. 15), картины подневольного труда, «боль автора за Родину, за «народ угнетенный»» [30. С. 36]. Примерно та же проблематика акцентируется в творчестве Некрасова и в других школьных программах. Например, в программе *С.А. Зинина, В.А. Чалмаева* выделяются «судьбы простых людей и общенациональная идея в лирике Н.А. Некрасова разных лет» (Чал, с. 109). А в программе *Г.С. Меркина* при изучении творчества писателя в 9 классе изучается стихотворение «памяти Добролюбова» и подчеркивается «отражение в лирике гражданской позиции и взглядов революционной демократии» [30. С. 84].

Следует отметить, что особое внимание ко «взглядам революционной демократии» характерно в целом для современных школьных программ и не только относительно творчества Н.А. Некрасова. Особое внимание уделяется в этом аспекте В.Г. Белинскому и Н.А. Добролюбову. Так, статьи Н.А. Добролюбова обязательно рассматриваются при изучении таких произведений, как «Гроза» А.Н. Островского и «Обломов» И.А. Гончарова. Обращение к статьям В.Г. Белинского в учебном процессе является еще более частым. Его работы изучаются при обращении к таким произведениям, как «Слово о полку Игореве», «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Мертвые души» Н.В. Гоголя, в целом, по творчеству Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского. Нельзя не заметить, что статьи разночинцев, в отличие от советского периода, часто подаются вместе с работами критиков иной направленности в аспекте исторического обзора. Однако столь частое обращение именно ко «взглядам революционной демократии» свидетельствует все-таки о том, что в современном преподавании русской литературы очевидно следование советской традиции, согласно которой обращение к статьям разночинцев, особенно В.Г. Белинского, было обязательным.

Этими же советскими традициями объясняется не только осмысление произведений русского классика в аспекте критического реализма (данная тенденция касается каждого из писателей XIX века), но и игнорирование часто очевидной связи творчества некоторых литераторов с православием. Например, данная тенденция очевидна при изучении творчества Н.С. Лескова. Только в программе *В.Я. Коровиной* в 10 классе при обзоре творчества писателя подчеркивается связь Лескова с православием. Другие программы при анализе произведений писателя данную связь не учитывают.

Например, в программе *С.А. Зинина, В.А. Чалмаева* в 10 классе предлагается повесть Лескова «Очарованный странник», при характеристике которой в первую очередь подчеркивается «национальный колорит повести», а также «сказовый характер повествования, стилистическая и языковая яркость» [26. С. 111]. Выделяется также «соединение святости и греховности, наивности и душевной глубины в русском национальном характере» [26. С. 111], но тем не менее даже здесь нет четкого акцентирования религиозной проблематики произведения, слова религиозной сферы при характеристике произведения и в целом творчества писателя не употребляются.

Все вышеизложенное доказывает, что изучение русской литературы XIX века так же, как и русской литературы предыдущих периодов, идет в русле советской методологии практически без учета ее христианских традиций и религиозной проблематики.

Что же касается русской литературы XX века, то и здесь советские тенденции в преподавании русской литературы весьма очевидны. Несмотря на то, что русская литература XX века в школьных программах более не именуется советской литературой, не изучаются произведения, посвященные В.И. Ленину и борьбе за коммунизм, советская методология в преподавании данного периода истории отечественной словесности также не преодолена.

Так, во всех программах очень мало времени уделяется творчеству писателей литературы русского зарубежья, особенно первой волны эмиграции. О феномене литературы русского зарубежья говорится лишь при обзоре литературного процесса XX века. «Эмиграция. Трагическое разделение русской литературы» [30. С. 119] — так о данном явлении говорится в программе *В.Я. Коровиной*. «Единство и целостность гуманистических традиций русской культуры на фоне трагедии» «расколотой лиры» (разделение на советскую и эмигрантскую литературу) [26. С. 120] — подчеркивается в программе *С.А. Зинина, В.А. Чалмаева*. «Советская литература и литература русского зарубежья» - говорится в программе *Т.Ф. Курдюмовой*. При этом в данной программе говорится и о центрах зарубежной русской литературы (Берлин, Париж, Прага, Варшава, София, Харбин и Шанхай), выделяется «золотое десятилетие» русской литературы за рубежом (1925-1935), названы имена писателей-эмигрантов. Однако ни в одной из программ не акцентируются характерные черты литературы русского зарубежья, не подчеркивается ее связь с православием и следование писателями-эмигрантами христианским традициям русской литературы, не выделяется религиозная проблематика их произведений.

Из писателей-эмигрантов в школе в основном изучается творчество И.А. Бунина. При этом следует отметить, что отбор произведений, предлагаемых школьными программами, также сложно назвать удачным, так как даются в основном произведения, написанные на тему любви («Темные аллеи», «Солнечный удар»). О других же, наиболее значимых для понимания творческой концепции автора произведениях («Антоновские яблоки», «Деревня», «Окаянные дни» и др.) либо не говорится вовсе, либо дается их искаженная интерпретация. Например, рассказ И.А. Бунина «Чистый

понедельник», согласно программе *Т.Ф. Курдюмовой*, прочитывается вне православного контекста — в нем выделяется лишь поэтизация мира ушедшей Москвы, подчеркивается романтическое и трагическое чувство героев.

Из других писателей-эмигрантов в школе более подробно изучается творчество А.И. Куприна. В произведениях писателя («Поединок», «Гранатовый браслет», «Олеся») подчеркивается прежде всего тема любви. Об иных темах творчества писателя и других его произведениях практически ничего не говорится. Творчество остальных писателей-эмигрантов, за редким исключением, в школе не преподается вообще. Это касается, например, творчества И.А. Шмелева. Несмотря на то, что в некоторых классах школьные программы предлагают для изучения его произведения (рассказы «Как я стал писателем», «Как я встречался с Чеховым. За карасями», «Русская песня»), данный отбор вряд ли можно считать удачным, поскольку данные тексты не являются концептуально значимыми для понимания творчества писателя. При этом данные произведения не всегда адекватно характеризуются. Например, при изучении рассказа «Русская песня» программа *Г.С. Меркина* выделяет в качестве основной тему русского национального характера и не подчеркивает воссоздание в нем образа патриархальной России. Следует отметить, что данные произведения И.А. Шмелева предлагаются только в младших классах, в старших же, в которых можно было бы преподавать такие произведения писателя, как «Лето Господне» и «Солнце мертвых», творчество И.А. Шмелева не изучается вообще. Но и в младших классах можно было бы предложить некоторые главы из «Лета Господня» или «Богомолье», в которых очевидна религиозная проблематика и наиболее четко прослеживается концептуальная направленность творчества писателя. Однако этого не происходит.

При этом достаточно большое количество часов продолжает уделяться творчеству основоположников советской литературы: М. Горького и В. Маяковского, произведения которых изучаются почти в каждом классе.

Выше нами уже отмечалось, что в постсоветские школьные программы было включено большое количество имен тех писателей, чье творчество было запрещено в советский период, например, Б.Л. Пастернака, И.А. Солженицына. Однако и их произведения часто даются искаженно, в них не выявляется очевидно присутствующая религиозная проблематика, при характеристике их творчества не используются слова религиозной сферы.

Например, характеризуя роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», программа *В.Я. Коровиной* выделяет в нем лишь философскую проблематику и предлагает сопоставить «лирического героя поэзии Б. Пастернака и героя романа «Доктор Живаго»» [16. С. 82]. Программа *Т.Ф. Курдюмовой* отмечает лишь жанровое своеобразие романа, соединение в нем эпического и лирического начала, образ Юрия Живаго, цикл стихотворений героя и его связь с проблематикой романа. Таким образом, в этих двух программах христианская концепция писателя совершенно не подчеркивается. В

программе *С.А. Зинина, В.А. Чалмаева* выделяются «черты нового лирико-религиозного повествования в романе Б.Л. Пастернака» [26. С. 133]. Однако в качестве основной в произведении подчеркивается все-таки тема революции: «Фигура Юрия Живаго и проблема интеллигенции и революции в романе. Нравственные искания героя, его отношение к революционной доктрине «переделки жизни». «Стихотворения Юрия Живаго» как финальный лирический аккорд повествования» [26. С. 133].

Те же тенденции можно обнаружить и при характеристике творчества И.А. Солженицына и конкретно его произведения «Матренин двор». В программах подчеркивается, что в этом рассказе запечатлен образ праведницы и выделяются черты житийной литературы, однако данное произведение все-таки не осмысливается в русле православной традиции, религиозная проблематика в нем не выделяется. Так, в программе *В.Я. Коровиной* подчеркивается прежде всего «Картина послевоенной деревни. Разрушение советской деревни, деградация крестьянства. Нравственная проблематика рассказа <...> Прототип образа Матрены — характерный народный тип русской крестьянки» [30. С. 126-127]. В программе *С.А. Зинина, В.А. Чалмаева* отмечаются «Черты «нутряной» России в облике Матрены. Противопоставление исконной Руси России чиновной, официозной» [26. С. 139]. При этом, не расшифровывается, что именно следует понимать под «исконной Русью».

Таким образом, наличие советских штампов в преподавании русской литературы XX века и современной литературы очевидно. Оно проявляется в игнорировании православных традиций в творчестве писателей-эмигрантов, в выделении малого количества часов на изучение их творчества и гораздо большего — на изучение творчества советских писателей — основоположников литературы социалистического реализма. Произведения русской литературы XX века, а также современной литературы, согласно школьным программам, не прочитываются в контексте православия, а очевидная в некоторых произведениях религиозная проблематика не выделяется.

Анализ основных современных школьных программ позволяет сделать следующие выводы. На современном этапе русская литература изучается в школе в основе своей согласно советским стандартам без учета ее генезиса и православных традиций. Произведения изучаются в целом в русле критического реализма и не осмысливаются в православном контексте, вследствие чего часто получают искаженную интерпретацию. Религиозная проблематика в произведениях практически не выделяется. При этом не нельзя не заметить, что авторы программ при характеристике отдельных текстов и в целом русской литературы старательно избегают таких слов, как «религиозный», «христианский», «православный», «библейский», «евангельский» др. Вместо них используются следующие слова и выражения: «нравственная проблематика», «гуманистический пафос», «национальные особенности», «духовные идеи» и т. п., при этом слово

«духовный» сопрягается скорее с понятием «нравственный», нежели «религиозный». Столь очевидное игнорирование составителями школьных программ терминологического аппарата, касающегося религиозной сферы, и нежелание подчеркивать связь русской литературы с православием, выделять в ней исконные христианские традиции и осмыслять произведения русской литературы в православном контексте, свидетельствует о наличии в общественном российском сознании русофобских тенденций по отношению к истории и культуре России, идущих очевидно еще с советских времен. Следует отметить, что в постсоветский период данные тенденции не только не были изжиты, но и по сравнению с концом 1990-х - началом 2000-х годов значительно усилились.

Об усилении данных тенденций свидетельствуют и концептуальные изменения, произошедшие в *программе А.Г. Кутузова* (Дрофа) к концу первого десятилетия XXI века. Выше нами уже отмечались достоинства этой программы, состоящие в введении сквозного курса «Духовная литература» и попытке осмыслить некоторые произведения русской литературы в контексте исконных для нее православных традиций. Данные черты можно обнаружить и в современном варианте программы. Например, при характеристике пьесы «Гроза» А.Н. Островского в произведении подчеркивается тема греха и святости.

Следует отметить, что в программе А.Г. Кутузова, в основе содержания и структуры «лежит концепция литературного образования как творческой деятельности... Под литературным образованием понимается освоение литературы как искусства слова» [6. С. 38], и основной целью является «от воспитательного чтения перейти наконец к постижению литературы как искусства» [6. С. 38]. Вероятно поэтому в данной программе, по сравнению с другими, при характеристике произведений не акцентируется их критический пафос, для изучения предлагается большее количество текстов, и их отбор существенно отличается от того, что предлагается в других программах. Например, при характеристике творчества А.Н. Радищева в произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» подчеркивается не антикрепостническая направленность, а «Жанр путешествия как форма панорамного изображения жизни. Нравственно-социальная проблематика. Автор на страницах «путешествия»» [27. С. 28]. В творчестве Н.А. Некрасова так же не делается акцент на изображении угнетенного народа, а для изучения предлагаются такие произведения, как «Праздник жизни — молодости годы...», «Рыцарь на час», «Огородник», «Сеятелям», которые не давались в советской школе и не включены в другие современные программы. Больше внимание уделяется теме русской литературы в эмиграции, озаглавленной в последнем варианте программы «Русская литература в изгнании». Здесь дано достаточно большое количество имен писателей, для самостоятельного изучения предлагаются такие произведения, как, например, «Лето Господне» и «Солнце мертвых» И.А. Шмелева, а в профильном классе для изучения предлагается «Лето господне»

И.А. Шмелева (главы по выбору) в которых подчеркивается «религиозное начало в произведении» [27. С. 75].

Однако при этом пристальное внимание программы к жанрово-родовой природе текста, якобы позволяющей увидеть условность литературы, и особое акцентирование базовых теоретико-литературных понятий, которые являются структурообразующими принципами программы, приводит к тому, что произведения русской литературы все-таки не прочитываются в контексте православия, так как их анализ происходит не на идейно-проблемном уровне произведения, а на образно-тематическом. При этом авторы данной программы, как и составители других современных программ, очевидно, так же при характеристике русской литературы избегают использовать слова религиозной сферы (за исключением раздела «Духовная литература»). Например, при характеристике произведений Н.В. Гоголя авторы программы останавливаются в основном на их жанровом своеобразии и не выделяют в них религиозные образы, мотивы и идеи. Так, при изучении повести «Ночь перед Рождеством» в программе А.Г. Кутузова особо акцентирует жанр сказочной повести, а при характеристике произведения подчеркивается «Волшебное, фантастическое и реально-бытовое в повести. Нравственные истоки победы добра над злом» [27. С. 13]. В 8 классе базовым теоретико-литературным понятием, согласно программе, является «Литература и традиция». В связи с этим в данном классе изучаются традиции разных этапов истории литературы. Однако ни в одном случае не выделяются православные, христианские традиции, подчеркиваются лишь понятия живая традиция и «вечная тема».

При этом, указав на существующие недостатки программы, очень важно заметить, что по сравнению с началом 2000-х годов в своем современном варианте программа А.Г. Кутузова еще дальше ушла от изучения русской литературы в контексте православия.

Так, из программы 10 и 11 класса убран раздел «Религиозные искания русских писателей». В 10 классе здесь задавалась тема «Русские писатели и православие», в которой предлагалось произведение Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», при изучении которого подчеркивались традиции духовной прозы в литературном произведении. В современном варианте программы данное произведение предлагается лишь в профильном классе, традиции духовной прозы в нем не акцентируются, но вместе с ним предлагаются «Размышления о Божественной литургии» как образец духовной прозы. Из программы 11 класса произведения, предложенные в разделе «Религиозные искания в русской литературе рубежа XIX и XX веков», убраны совсем.

В 5 классе рождественский рассказ А.И. Куприна «Чудесный доктор» из программы аудиторного изучения перешел в раздел «Советы библиотеки».

В 8 классе в программе 2001 г. в теме «Древняя русская литература и ее традиции» были предложены отрывки из «Повести временных лет», при анализе которых подчеркивались фольклорно-языческие и христианские традиции в древнерусской литературе». В современном варианте программы

отрывки из «Повести временных лет» не даются, а предлагается лишь «Слово о полку Игореве», при изучении которого христианские традиции древнерусской литературы не выделяются, как и не акцентируется православные идеи данного произведения.

В программе А.Г. Кутузова 2001 г. в творчестве некоторых русских писателей целенаправленно акцентировалась связь их произведений с православием. Например, при характеристике творчества Н.С. Лескова была употреблена фраза «Н.С. Лесков и православие» [25. С. 186]. Из современного варианта программы данное предложение убрано. То же самое можно увидеть и при характеристике творчества Ф.М. Достоевского. В программе 2001 г. подчеркивалось «Достоевский и православие» [25. С. 183], а при разборе романа «Преступление и наказание» выделялась христианская концепция писателя. В современном варианте программы А.Г. Кутузова вместо фразы «Достоевский и христианство» - предложение «Достоевский и нигилизм», и при изучении романа «Преступление и наказание» христианская концепция писателя не выделяется, а выделяется она лишь в профильном классе. При этом, если в программе 2001 г. для изучения в профильных классах предлагались и такие произведения Ф.М. Достоевского, как «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», в каждом из которых подчеркивались христианские идеи, то в современном варианте программы в профильном классе изучается лишь роман «Преступление и наказание».

По сравнению с программой 2001 г. в более позднем ее варианте произошло и сокращение количества предлагаемых для изучения произведений с религиозной проблематикой. Данная тенденция проявила себя и в разделе «Советы библиотеки». Так, в 2001 г. в 11 классе для самостоятельного изучения в числе прочих предлагались произведения писателей-эмигрантов: Б.К. Зайцева «Афон», «Анна»; А.М. Ремизова «Оля», «Образы Николая Чудотворца»; И.С. Шмелева «Свет разума». Из современной программы данные произведения убраны, и лишь в профильном предлагается повесть И.А. Шмелева «Человек из ресторана».

Все эти примеры явно свидетельствуют о том, что по сравнению с началом 2000-х годов программа А.Г. Кутузова при всех имеющихся в ней уже на тот момент недостатках еще дальше отошла от осмысления русской литературы в контексте православия. В целом, данная программа, по сравнению с другими современными программами, представляется наиболее удачной в аспекте адекватного изучения русской литературы, однако и в ней присутствуют тенденции игнорирования христианских традиций русской литературы и анализ произведений в русле критического реализма.

Что же касается новых стандартов общего образования, то, как показывает анализ серии «Стандарты второго поколения» [21, 34], в предложенной в них примерной программе по литературе в 5-9 классах имеются те же самые тенденции игнорирования православного характера и христианских традиций русской литературы, которые столь очевидны в проанализированных выше современных программах.

В качестве положительных моментов в примерной программе, составленной по новому стандарту, можно отметить выделение в русской литературе XIX в. «христианских мотивов и образов в произведениях» [21. С. 26]; акцентирование в балладе В.А. Жуковского «Светлана» «мотива смирения и темы веры как залога торжества света над тьмой» [21. С. 11]; предложение для изучения романа И.С. Шмелева «Лето Господне», при характеристике которого подчеркивается «Рождение религиозного чувства у ребенка. Ребенок и национальные традиции» [21. С. 17]. Но это то, что касается частных случаев.

В целом же, концепция программы нового стандарта осталась такой же, какая она есть в современных программах, по которым на сегодняшний день строится учебный процесс в школах. Например, при характеристике древнерусской литературы в программе нового образца выделяются: «Тема Русской земли. Идеал человека в литературе Древней Руси. Поучительный характер древнерусской литературы» [21. С. 26]. О религиозности произведений Древней Руси ни чего не говорится, христианские традиции древнерусской литературы не выделяются. В связи с этим данные традиции не выделяются и на последующих этапах, и, как следствие, произведения не рассматриваются в исконном для русской литературы православном контексте и часто получают искаженную интерпретацию. Следует отметить, что отбор произведений, предложенный в программе нового стандарта, также сложно назвать удачным. Так, в список тестов не включены произведения М.В. Ломоносова, Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, из творчества Г.Р. Державина предлагается лишь стихотворение «Памятник», а из произведений Л.Н. Толстого - «Кавказский пленник».

Таким образом, несмотря на то, что после падения Советского Союза школьный предмет «Литература» перестал считаться идеологическим, произведения больше не рассматривались в аспекте классовой борьбы и в рамках трех этапов освободительного движения, а из школьных программ и учебников были убраны обязательные ранее ссылки на статьи В.И. Ленина, в целом на сегодняшний день преподавание русской литературы в школе продолжает идти в русле так и не изжитой советской методологии. Это проявляется в игнорировании православного контекста, исконного для русской культуры, в замалчивании о христианских традициях отечественной словесности, в изучении произведений в аспекте критического реализма, в избегании при характеристике текстов слов, связанных с религиозной сферой: «православный», «христианский» и т. п. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что наличие советских атавизмов в преподавании русской литературы в современной школе явно свидетельствует о преобладании в системе общего образования русофобских настроений по отношению к русской литературе и культуре в целом. Данные настроения являются очевидным показателем того, что атеистическая идеология, господствующая в СССР столь длительное время, несмотря на

видимое падение, продолжает занимать доминантные позиции в менталитете постсоветской России.

Библиография:

1. Айзерман, Л. С. Достоевский профильный и непрофильный / Л. С. Айзерман // Литература в школе. — 2011 — №1.
2. Воропаев, В. В. О духовном смысле комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» / В. В. Воропаев // Литература в школе. — 1996. - № 2.
3. Дронов, М. О Библии и библейском учении / М. Дронов // Литература в школе. — 1990. — № 2.
4. Евгин, А. В. Оптиная пустынь в жизни Гоголя / А. В. Евгин // Литература в школе. — 2000. — № 6.
5. Иванова, С. Ф. Введение во храм Слова: Книга для чтения с детьми в школе и дома / С. Ф. Иванова. — М.: Школа – Пресс, 1994.
6. Как войти в мир литературы. 5 кл.: методическое пособие / А. Г. Кутузов, Е. С. Романичева, А. К. Киселев; под ред. А. Г. Кутузова. - 7-е изд., доп. - М.: Дрофа, 2006.
7. Какшина, И. В. Житие Александра Невского / И. В. Какшина // Литература в школе. — 2001. — № 4.
8. Качурин, М. Г. Библия и русская литература. Хрестоматия / М. Г. Качурин. — С-Пб: Каравелла, 1995.
9. Костанян, Н. Н. Библия на уроке литературы / Н. Н. Костанян // Литература в школе. — 1990. — № 2.
10. Костанян, Н. Н. Древнерусская письменная словесность X – XIII вв. / Н. Н. Костанян // Литература в школе. — 1991. — № 3.
11. Котельников, В. А. О христианских мотивах у русских поэтов / В. А. Котельников // Литература в школе. — 1994. — № 3.
12. Крупина, Н. Л. К читателю / Н. Л. Крупина // Литература в школе. — 1990. — № 2.
13. Крупина, Н. Л. Постарайтесь творить всякие добрые дела. «Поучение» Владимира Мономаха / Н. Л. Крупина // Литература в школе. — 2000. — № 6.
14. Кузнецова, М. С. Чтоб душа не оскудела. Заметки с уроков по повести «Сказание, страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу» / М. С. Кузнецова // Литература в школе. — 1996. — № 3.
15. Кураев, А. Школьное богословие. Взрослым о детской вере / А. Кураев. — М.: Паломник, 2003.
16. Литература. 10-11 классы: развернутое тематическое планирование по программе под редакцией В. Я. Коровиной. Базовый и профильный уровни / авт.-сост. Г. В. Цветкова. - Волгоград: Учитель, 2011.
17. Литература: Программа для общеобразовательных учреждений. 5-11 классы / Под. ред. Т. Ф. Курдюмовой. - М.: Дрофа, 2010.

18. Мурашова, О. А. «Проклятые вопросы» русской литературы в духовном контексте эпохи / О. А. Мурашова // Литература в школе. – 2003. – № 6.
19. Пак, Н. И. Пути обретения России в произведениях Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева / Н. И. Пак // Литература в школе. – 2000. – № 2.
20. Приветствие Патриарха Московского и всея Руси участникам XI рождественских образовательных чтений // Духовно-нравственное воспитание. Научно-просветительский журнал. – 2003. – № 2.
21. Примерные программы по учебным предметам. Литература. 5-9 классы: проект. - М.: Просвещение, 2010. - (Стандарты второго поколения).
22. Программы средней общеобразовательной школы. Литература 4-10 классы. – М.: Просвещение, 1983.
23. Программы для средних общеобразовательных учебных заведений. Литература / Составители: Т. Ф. Курдюмова, В. Я. Коровина и др. Научный редактор Т. Ф. Курдюмова. – М.: Просвещение, 1991.
24. Программа общеобразовательных учебных заведений Российской Федерации. Средняя школа / Составитель Т. А. Калганова. – М.: Просвещение, 1994.
25. Программно-методические материалы. Литература 5-11 классы / Составитель Т. А. Калганова. – М.: Дрофа, 2001.
26. Программа по литературе для 5-11 классов общеобразовательной школы / авт.-сост. Г. С. Меркин, С. А. Зинин, В. А. Чалмаев. - 6-е изд. - М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2010.
27. Программа по литературе для образовательных учреждений (5-11 класс) / авт.сост. А. Г. Кутузов, Е. С. Романичева, А. К. Киселев, И. И. Мурзак, А. Л. Ястребов; под редакцией А. Г. Кутузова // http://ku4mina.ucoz.ru/id/0/4_KbQ.pdf
28. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5-11 классы (базовый уровень) / Под ред. В. Я. Коровиной. - М.: Просвещение, 2010.
29. Рабочие программы по литературе. 5-9 классы (по программе под редакцией В. Я. Коровиной). Методическое пособие / Сост. Г. М. Вялкова; под ред. Л. Н. Савиной. - 2-е изд., стереотип. - М.: Планета, 2011. - (Образовательный стандарт).
30. Рабочие программы по литературе: 5-9 классы (по программам под редакцией В. Я. Коровиной и Т. Ф. Курдюмовой) / Сост. Н. В. Егорова. - М.: ВАКО, 2011. - (Рабочие программы).
31. Рослякова, Л. Н. Нравственные ориентиры «Преступления и наказания» / Л. Н. Рослякова // Литература в школе. – 1994. – № 2.
32. Тарасов, Ф. О Евангельских основаниях «Братьев Карамазовых» / Ф. Тарасов // Литература в школе. – 1997. – № 6.
33. Творогов, О. В. Литература Древней Руси в сегодняшней школе / О. В. Творогов // Литература в школе. – 1990. – № 2.

34. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Рос. акад. наук, Рос. акад. образования; под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. - 4-е изд., дораб. - М.: Просвещение, 2011. - (Стандарты второго поколения).
35. Фурсов, А. И обрати пещеру в камень / А. Фурсов // Духовно-нравственное воспитание. Научно-просветительский журнал. – 2003. – № 2.
36. Чепурная, О. Н. И будет только хорошее. Очерк И.С. Шмелева «На святой» / О. Н. Чепурная // Литература в школе. – 2001. – № 4.
37. Черкезова, М. В. Библейские мотивы в русской литературе. Дидактические материалы / М. В. Черкезова // Литература в школе. – 1997. – № 2.
38. Шибанова, И. И. Повесть временных лет. 8 класс / И. И. Шибанова // Литература в школе. – 2001. – № 4.